

УДК 341.322.5(476) «1939/1941»

ББК 63.3(2Бел)621-4

И

Эмануил Иоффе

Лаврентий Цанава – исполнитель и организатор политических репрессий в Белоруссии (1939–1941)

С приходом Л.П. Берии в аппарат НКВД СССР ситуация в плане репрессивной политики стала меняться. Так, в августе 1938 г. в г. Сталинабаде запретили приводить в исполнение приговоры осужденным по первой категории.

Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1938 года по предложению НКВД СССР принимает решение о передаче оставшихся нерассмотренных следствием дел на арестованных по контрреволюционным национальным контингентам на рассмотрение «особых троек» на местах.

С 23 октября 1938 года арест иностранного подданного производился только с санкции Народного комиссара внутренних дел Союза СССР или его заместителя.

17 ноября 1938 года вышло совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором отмечалась большая работа, проделанная органами НКВД СССР по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок.

В то же время предлагалось запретить проведение всех массовых операций. Ликвидировались судебные «тройки». При арестах и ведении следствия предписывалось строгое соблюдение законности.

Все следователи органов НКВД в центре и на местах могли назначаться только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) в своем постановлении предупреждали, что любой работник прокуратуры и НКВД за нарушение советских законов будет привлекаться к строгой ответственности.

После выхода этого постановления обстановка на местах также изменилась. Если раньше приветствовалось предоставление дополнительных лимитов на репрессии, то после указанного постановления заслугой считался саботаж «ежовской» репрессивной политики.

Все дела должны были направляться через прокурора на рассмотрение суда в соответствии с законами о подсудности. В Особое совещание при НКВД СССР разрешалось направлять дела с заключением прокурора в случаях, когда в деле имеются обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд.

Дела, направляемые в Особое совещание, докладывались лично народными комиссарами внутренних дел союзных и автономных республик и начальниками краевых и областных УНКВД или их заместителями.

Хотя массовые репрессии с 1939 года приостановились, политические репрессии в СССР и БССР продолжались. 10 января 1939 года И.В. Сталин направил шифротелеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. Вней говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и при том применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен применяться и впредь. В виде исключения в отношении явных и неразрешающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод».¹

Все поступавшие от НКВД-УНКВД дела на членов семьи изменников родины с после 7 декабря 1940 года предлагалось незамедлительно выносить на рассмотрение ближайшего заседания Особого совещания при НКВД СССР.

21 декабря 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило представленный НКВД проект указа Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Особому совещанию права применять конфискацию имущества по делам о спекуляции и контрабанде; по делам о контрреволюции и других преступлениях, когда следствием установлено, что имущество приобретено незаконным путем или было использовано в преступных целях. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1940 года узаконил это постановление.

Проводимая практика массовых необоснованных арестов повлекла за собой грубейшие нарушения советской законности в органах следствия, прокуратуры и суда.

Принято считать, что нарком внутренних дел БССР Л.Ф. Цанава был одним из организаторов проведения массовых репрессий в БССР и СССР в конце 1930-х-начале 1950-х год. Согласно оценочным подсчетам историков, только в первый год его деятельности на территории Беларуси было арестовано 27 тысяч человек²

Еще в 1992 году белорусские исследователи А.Ф. Вишневецкий и И.В. Лукошко писали:

«В последнее время, например, стало известно, что на каком-то этапе первым палачом в Белоруссии выступил нарком НКВД Берман. Именно он явился главным режиссером кровавого спектакля, который с благословения Кремля разыгрался в республике в 1937–1938 годах. Копируя сценарии московских процессов, Берман один за другим проводил их в Белоруссии: то в Гомеле, то в Минске, то в Жлобине, то в Лепеле. Не успевал завершиться один процесс, как сразу же разворачивался другой. Достойным продолжателем дела Бермана (он был расстрелян как «германский шпион») были Наседкин (тоже вскоре был расстрелян) и особенно Цанава.

Лаврентий Цанава, ставленник Берия, известен как одна из зловещих фигур эпохи сталинизма. По его команде были искоренены жизни многих белорусов. В печати появилась цифра о том, что только в первый год пребывания Цанавы в Белоруссии (с конца 1938 г.) по политическим обвинениям здесь было арестовано 27 тыс. человек. Правда, эта цифра не подтверждена архивными документами, однако она наводит на грустные размышления. А ведь Цанава возглавлял НКВД, МГБ республики с дека-

*бря 1938 по октябрь 1951 года. Сколько же на его совести невинно погибших людей, исковерканных человеческих судеб? Дать ответ на этот актуальный вопрос — задача белорусских ученых».*³

Анализ многочисленных источников позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев Лаврентий Цанава был исполнителем массовых политических репрессий, а в некоторых случаях — и их организатором.

В феврале 1939 года первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко послал на проверку наркому внутренних дел республики Л.Ф. Цанаве список передовиков сельского хозяйства БССР. На 23 человека из списка у спецслужб нашелся компромат⁴.

К концу 1930-х годов под «наблюдением» находились практически все слои интеллигенции, представители всех звеньев партийного, хозяйственного и советского аппаратов управления.

Республиканские газеты запестрели словами «фашистские наймиты», «проклятые изверги», «шпионское отребье» и прочее. Фабрикуются дела, доказывающие принадлежность к вражеской агентуре большого числа руководителей республики. В тюремные застенки попадают Председатель Совнаркома БССР А.Ф. Ковалев, председатель ЦИК БССР М.О. Стакун, второй секретарь ЦК А.А. Ананьев, секретарь ЦК В.Д. Потапейко, нарком просвещения В.И. Пивоваров, заместители Предсовнаркома республики И.Г. Журавлев, А.И. Темкин и другие партийные, комсомольские и государственные деятели. Следствием по их делу руководил Цанава. Часто он сам самолично вел допросы.

18 марта 1958 года министр юстиции БССР И.Д. Ветров направил письмо Председателю Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС Н.М. Швернику. В нем были такие строки:

«...Во второй половине 1938 года ЦК КПБ под руководством т. Пономаренко провел некоторую работу по исправлению указанных ошибок и грубых нарушений социалистической законности в отношении кадров, но позже, к концу 1938 года, когда в Белоруссии появился посланец Берия, его закадычный друг, единомышленник, нарком внутренних дел Цанава-Ранава (точнее, Цанава-Джанджава — Э. И.) Л.Ф. исправление этих грубых нарушений законности

по сути дела было приостановлено и уже в конце 1938 года Цанава сам начал создавать, фальсифицировать новые провокационные дела в отношении руководящих большевистских кадров республики.

До Великой Отечественной войны им были созданы провокационные дела в отношении председателя Совнаркома БССР — председателя Минского облисполкома Ковалева А.Ф., секретаря Речицкого райкома партии Рыжова-Рыкова, быв. управделами Совнаркома Кандыбовича, быв. начальника Управления рабпрома БССР Антонова, гл. инженера Минской ТЭЦ Журавлева и многих, многих сотен других дел, часть из которых описана мною в моем письме Генеральному прокурору Союза ССР т. Руденко и секретарю ЦК КПБ Патолличеву Н.С. от 3 и 30 января 1954 года и в моих показаниях от 16 августа 1954 г., копию которых я представил 15.III-58 г. комиссии КПК при ЦК КПСС т.т. Шатуновской, Витиевскому, Кузнецову».⁵

Цанава продолжил тактику слежки за студентами и преподавателями вузов, учителями школ Белоруссии, которая характеризовала стиль деятельности прежних руководителей НКВД республики Бермана и Наседкина. Так через два месяца после вступления в должность наркома внутренних дел БССР Лаврентий Фомич посчитал нужным информировать первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К.Пономаренко о ходе и результатах проведенной работы. Приведем фрагменты из текста этого документа:

«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б)Б товарищу
Пономаренко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПО АГЕНТУРНОЙ РАЗРАБОТКЕ ПО АНТИСОВЕТСКИ НАСТРОЕННОЙ ЧАСТИ СТУДЕНТОВ МИНСКОГО ПЕДИНСТИТУТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ШКОЛ МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ПО СОСТОЯНИЮ НА 28 ФЕВРАЛЯ 1939 г.

Агентурная разработка «Организаторы» была заведена в июне 1938 г. на основе поступивших до нас агентурных материалов от агента «Полонского» и материалов следствия.

По агентурному делу «Организаторы» нами разрабатываются как активные

участники антисоветской группы 6 человек, кроме этого, по материалам дела проходит ряд лиц из числа их связей, разрабатываемых по агентурному делу «Фашисты».

Наиболее активными участниками разработки являются молодые писатели из числа студентов Минских педагогического и учительского институтов, а также те, кто окончил в 1938 г. Минский пединститут и работает в настоящее время в средних школах Минской и Могилевской областей.

1. НЕХАЙ Гаврила Иосифович, 1915 года рождения, уроженец деревни Селиба Березинского района БССР, учитель белорусского языка и литературы в средней школе в деревне Колодищи минского района, проживает в деревне Колодищи. Является заочником 2-летнего Минского учительского института.

2. КАЗЕКО Иван Дорифеевич. 1915 года рождения, уроженец деревни Костричи Любавичского сельсовета Кировского района БССР, проживает в местечке Дукоры Руденского района, из крестьян. Работает учителем белорусского языка и литературы в средней школе. В 1938 г. окончил Минский педагогический институт.

3. КОНДРАТЕНЯ Владимир Игнатьевич, 1917 года рождения, уроженец деревни Смоличи Краснослободского района БССР, проживает в Минске, общежитие пединститута, студент 4-го курса литературного факультета Минского педагогического института. Член Союза советских писателей БССР.

4. ГРАМОВИЧ Иван Иванович, 1918 года рождения. Уроженец Крупицкого сельского Совета Минского района БССР, беспартийный студент 4-го курса литературного факультета Минского педагогического института.

5. БАЧИЛО Александр Николаевич, 1918 года рождения, уроженец деревни Лошница Перешского сельского Совета Смиловичского района, проживает в деревне Синеге минского района БССР, белорус, преподаватель белорусского языка и литературы в средней школе в деревне Синеге. Является заочником 2-летнего учительского института в Минске.

6. ПАНЧЕНКО Пимен Емельянович, 1917 года рождения, член ЛКСМБ, учитель белорусского языка и литературы

одной из средних школ в Кировском районе БССР, член Союза советских писателей. По агентурным данным, в 1921 г. мать его вместе с ним перешла госграницу на сторону СССР из Польши.

Агентурными данными установлено, что разрабатываемые нами лица раньше были связаны с активными участниками контрреволюционного национал-фашистского подполья Белоруссии.

Казеко раньше был связан с разоблаченными участниками контрреволюционной национал-фашистской организации Пиотухувичем, Замотинным, Знаемым, Б. Микуличем и разоблаченными нами врагами народа, бывшими студентами пединститута А.В. Шуриком и Д.П. Володько, которые показали, что Иван Казеко является участником контрреволюционной национал-фашистской группировки, по заданию которой вербовал для антисоветской работы студентов Высшего педагогического института...

Гаврила Нехай материалами агентуры характеризуется как человек антисоветски настроенный...

Материалами, которые есть у агентурных разработчиков «Организаторы» и «Фашисты», установлено, что Владимир Кондратеня был тесно связан с разоблаченными нами активным участником контрреволюционного национал-фашистского подполья в Белоруссии Кузьмой Чорным...

С Кондратеней был связан на почве общности антисоветских взглядов студент Минского пединститута Иван Грамович...

Пимен Панченко настроен антисоветски, раньше был связан с разоблаченными нами активным участником контрреволюционной нацифашистской организации писателем М. Чаротом (осужден)...

Агент «Полонский» сообщил, что Нехай, Бачило, Кондратеня, Казеко договорились действовать совместно на литературном фронте, помогая один другому в протягивании своих националистических произведений...

Поскольку по разработке «Организаторы» работал один источник «Полонский», нами были приняты меры по проверке материалов агента «Полонского» через агентуру, которая работает по агентурному делу «Фашисты», — «Боевой», «Григорьева», «Писатель», «Петров» (последний отсеян

по приказу НКВД № 00827), которые подтвердили агентурные материалы про связь Кондратеня и Грамовича с участником нацифашистской организации Кузьмой Чорным.

Народный комиссар внутренних дел БССР

Старший майор госбезопасности

Л. Цанава

28 февраля 1939 г.

г. Минск»⁶.

4 апреля 1938 года был арестован один из самых талантливых ученых-литературоведов не только БССР, но всего СССР, член-корреспондент АН СССР, академик АН БССР, профессор Иван Иванович Замотин. Как записано в справке, которую представил 15 апреля 1939 года секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко народный комиссар внутренних дел БССР Л. Цанава, Замотин был арестован как участник контрреволюционной националистически-шпионской организации, существовавшей в Академии наук БССР, куда был привлечен б. вице-президентом АН БССР — Домбале (осужден к ВМН (высшей мере наказания — Э.И.), по заданию которого занимался шпионской деятельностью в пользу польской разведки и в своих литературных «трудах» протаскивал контрреволюционную нацидемовскую линию».

5 августа 1939 года «Особое совещание» при НКВД СССР осудило академика на 8 лет лагерей. Замотин попал в Коми АССР, где работал в лагерной «инвалидной бригаде».

По официальным данным, И.И. Замотин умер 25 мая 1942 года. Он был реабилитирован 7 мая 1956 года.

Всемирно известный ученый-славист, академик БАН и заслуженный профессор республики, первый ректор Белорусского государственного университета, член ЦИК БССР Владимир Иванович Пичета в сентябре 1930 был арестован органами ОГПУ, лишен академического звания и в августе 1931 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации российской профессуры старой школы, осужден на 5 лет высылки в отдаленные районы страны. Свое наказание он отбывал в городе Вятке, где работал нормировщиком, секретарем и экономистом-плановиком в кооперативе общественного питания. В 1935 году Пичета был досрочно освобожден и сначала поселился в Воронеже, а затем переехал в Москву.

В 1939 году снова произошло признание Владимира Ивановича как талантливого ученого и как организатора науки. Почти одновременно он возглавил кафедру истории южных и западных славян Московского государственного университета и сектор славяноведения в Институте истории АН СССР. Был избран членом-корреспондентом АН СССР.

После возвращения к активной научной деятельности Пичета посетил Минск в связи с организацией и проведением исследований по истории Белоруссии, подготовки кадров в области славяноведения. В сентябре 1939 года, когда после возвращения в состав БССР территории Западной Белоруссии решался вопрос о ее новых границах, он был притянут для этой работы. По поручению руководства ЦК Компартии Белоруссии и лично П.К. Пономаренко Пичета подготовил большую записку по проблеме южных границ республики. 20 ноября 1939 года первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко направил ее в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова. В сопроводительном листе говорилось:

«Направляю копию докладной записки члена-корреспондента Академии наук СССР т. В. Пичета, сообщающего интересные материалы по вопросу о разграничении областей и районов между БССР и УССР»⁷.

Эта записка была подписана В.И. Пичетой 18 ноября 1939 года.

В ноябре 1939 года руководство АН БССР поставило перед ЦК Компартии Белоруссии и Совнаркомом БССР вопрос о восстановлении В.И. Пичеты в звании академика АН БССР, учитывая то, что он своей активной и плодотворной работой оправдал себя и исправил прошлые ошибки.

Прежде чем принять свое решение, Пономаренко запросил мнение НКВД БССР, и на его стол легли одна за другой две информации за подписью наркома Л.Ф. Цанавы. Анализ этих документов позволяет сделать вывод, что и после пересмотра «дела», после досрочного освобождения В.И. Пичета оставался под надзором НКВД и в Минске, куда он приезжал по командировкам, и в Москве. Скорее всего, он об этом не знал, не задумывался и в разговорах со знакомыми, коллегами по научной работе допускал высказывания, которые кем-то фиксировались и передавались в НКВД. На таких высказы-

ваниях в передаче осведомителя построены информации, подготовленные для Пономаренко.

Приведем несколько фрагментов из первой информации Цанавы:

*«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии
Товарищу Пономаренко:*

...Пичета выходец из дворянской семьи, отец выходец из герцогов...

В 1939 г. Академия наук БССР возбудила ходатайство перед СНК БССР о восстановлении Пичета в звании действительного члена Академии наук БССР как оправдавшего себя в научной и общественной работе.

По материалам следствия 1937–1938 гг. Пичета В.И. входил в состав националистического фашистского формирования в Белоруссии, в котором принимал активное участие. Был связан с руководителями зарубежных национал-фашистских формирований, имел связь с бывшим министром иностранных дел Чехословакии Бенешем, информировал последнего об антисоветской националистической работе, проводимой контрреволюционными элементами в БССР.

Пичета после отбытия наказания своей контрреволюционной деятельности не прекратил, о чем свидетельствуют факты его антисоветских высказываний...

В сентябре 1939 года Пичета высказал резко отрицательное настроение в отношении заключенного СССР договора с Германией о ненападении:

...Я полагаю, что это ошибка, договор с Германией подписывать не следовало. Гитлер по своему плану через два года все равно на нас пойдет войной и будет добиваться водворения у нас фашизма...

Пичета в разговоре 30 сентября с.г. выразил недовольство внутренней политикой СССР...

Пичета ведет явно двурушническую политику с целью показать себя в глазах общественности советским человеком...

*Народный комиссар внутренних дел
Белорусской ССР*

Л. Цанава

6 декабря 1939 г.

№ 6608/4

г.Минск»⁸.

А через две недели во второй информации Л.Ф. Цанавы отмечалось:

*«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б)Б Белоруссии
Товарищу Пономаренко
В дополнение к № 6608/4 от 7.XII.1939 г.
сообщаю, что на профессора Пичета Владимира Ивановича поступил дополнительный компрометирующий материал, свидетельствующий о непримиримом, Враждебном его отношении к существующему строю...»*

Пичета, 14.XI.1939 года, возвратясь из Минска, в кругу своих знакомых распространял провокационные слухи, что, якобы, благодаря невежеству Красной Армии, при занятии Западной Белоруссии было сделано много ошибок...

Дальше Пичета высказал свое крайне озлобленное антисоветское настроение.

Я с политикой Советской власти не согласен и никогда не соглашусь и терпеть ее (власть) не могу. Кругом хамы и большие ничего. Советский Союз — это фашистский застенки, а не социализм. Все, что пишут в газетах, — самохвальство и идиотизм.

На вопрос, почему же Пичета ведет общественную работу, Пичета ответил:

Я делаю это для того, чтобы сохранить себе жизнь.

Жена Пичеты, опасаясь его ареста, предупреждает его, чтобы он не выступал с длинными речами, а то, в конце концов, попадетя.

*Народный комиссар
внутренних дел БССР*

Л. Цанава

20 декабря 1939 г.

№ 7720/4

г. Минск»⁹.

На первом листе второй информации П.К. Пономаренко написал:

«Малину (тогдашнему секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде — Э. И.). Кого в академию?».

В фондах Национального архива Республики Беларусь не удалось выявить каких-нибудь предложений со стороны Малина или других работников ЦК Компартии Белоруссии о восстановлении Пичеты в звании действительного члена АН БССР. Скорее всего, вопрос был решен в устных разговорах или в результате

рекомендаций высокопоставленных товарищей из Москвы. В любом случае, несмотря на цанавский «компромат», В.И. Пичета в 1940 году снова стал академиком АН БССР. В 1946 году он был избран академиком АН СССР, назначен заместителем директора Института славяноведения АН СССР. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и принят кандидатом в члены ВКП(б).

Кроме В.И. Пичеты, в 1939 году под надзором НКВД в нашей республике находились и другие известные ученые. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились, например, информации, в которых Цанава сообщал в ЦК КП(б)Б об «антисоветских высказываниях» и склонности к «контрреволюционным действиям академика АН БССР, заслуженного деятеля науки БССР, директора Института истории АН БССР Николая Михайловича Никольского, заведующего кафедрой истории средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Перцева, доктора биологических наук, профессора Тихона Николаевича Годнева, известного ученого-химика, члена-корреспондента АН СССР и АН БССР, профессора Николая Александровича Прилежаева.

В «материалах» НКВД БССР Н.М. Никольский проходил «как участник контрреволюционной национал-фашистской организации», который будто бы заявлял:

«В случае войны не желал бы оставаться на территории СССР»¹⁰.

20 мая 1939 года Л.Ф. Цанава подписал информацию об «антисоветских настроениях и высказываниях» Т.Н. Годнева.

По информации Цанавы на имя Пономаренко от 21 мая 1939 года Н.А. Прилежаев значился как «настроенный антисоветски, подозреваемый во вражеской деятельности и диверсиях»¹¹.

Характеризуя Перцева, Цанава в своей информации о нем 2 июня 1939 года сообщал:

«Настроен антисоветски; собираясь у себя на квартире с представителями педагогического института, вел контрреволюционные разговоры, направленные против политики партии и высказывал контрреволюционную клевету по адресу

руководителей партии и правительства...

Перцев в одном из разговоров сказал: “Задолго до революции, будучи еще студентом, я увлекался партией кадетов”.

Перцев в преподавании своего предмета — истории народов средних веков — ярко выдвигает Германию и предлагает студентам 4-го курса БГУ, едущим на практику в июне месяце 1939 г., разрабатывать материалы, касающиеся исключительно Германии, как то: “Древние германцы”, “Социальная борьба в Кельне в 14-15 веках” и др.»¹²

К счастью, «компромат» Лаврентия Цанавы, «не сработал» и каких-нибудь отрицательных последствий после себя не имел.

Объясняя данное обстоятельство, белорусский историк Р.П. Платонов высказал следующее мнение:

«...На дворе был не 1937, а 1939 год, когда волна политических преследований постепенно сходила. И Н.М. Никольский, и В.Н. Перцев, и Т.Н. Годнев, а также и другие ученые, кого судьба спасла от объятий “ведомства Цанавы”, обогатили науку в своих сферах крупными достижениями и открытиями, за что получили всеобщее признание и были награждены орденами, медалями, Государственными премиями СССР и БССР»¹³.

В то страшное время в Белоруссии находились люди, которые, рискуя жизнью, не боялись вступить за «врагов народа».

Одним из таких людей был Якуб Колас, который хлопотал за освобождение Кузьмы Чорного.

14 октября 1938 года безосновательно был арестован классик белорусской литературы, прозаик, драматург, публицист Кузьма Чорный. А 8 июня 1939 года он был освобожден.

Как это произошло? Ответить трудно.

Заслуживает внимания книга воспоминаний Данилы Мицкевича «Любіць і помніць». В ней есть такие строки:

«Бацька раскажы, што яшчэ да вайны пытаўся ў яго сам Панамарэнка: “Что бы вы сказали о Черном?”. А пісьменнік тады сядзеў у турме. Вядома ж, Колас, як і належыць, пахваліў свайго малодшага калегу — верны, сумленны чалавек, выдатны

пісьменнік. Той выслухаў. Набраў тэлефон: “Лаврентый Фомич! Мнения сходятся. Освободить”. Лаўрэнцій Фаміч — гэта Цанава. З чымі думкамі супалі Коласавы?...»¹⁴

В фондах Национального архива Республики под грифом «Не подлежит разглашению» в отдельной папке хранится письмо Кузьмы Чорного Пономаренко и Цанаве, впервые опубликованное белорусскими исследователями Виталием Скалабаном и Людмилой Рублевской:

«СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б)Б товарищу ПОНОМАРЕНКО и НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР товарищу ЦАНАВА от писателя РОМАНОВСКОГО Николая Карловича (Чорного Кузьмы)

31 августа и 1 сентября с.г. я вызывался в Минский областной суд в качестве свидетеля по делу писателя Федоровича Чернушевича. Суд признал, что состава преступления по делу Федоровича нет, и дело пошло на доследование. Моя совесть заставляет меня написать Вам это письмо, чтобы помочь дальнейшему ведению следствия.

В деле Федоровича фигурируют мои показания, данные мной во время моего нахождения под арестом. Эти показания вырывались от меня насильно, под сильнейшим принуждением [...] не соответствуют действительности, и я считаю долгом от них отказаться.

Во время ареста меня томили в одиночке (просидел я в одиночке более полугода), меня морально терроризировали, у меня быстро развивалась сердечная болезнь, от которой я впадал в обморочные состояния. Надо мной приходили издеваться некоторые работники НКВД, не имеющие никакого отношения к моему делу.

Еще за несколько лет до ареста, начиная примерно с 1932 года, меня время от времени вызывали отдельные работники ГПУ и потом НКВД и издевались надо мной. Кричали мне, что я “дефензивщик”, грозили “сгноить в тюрьме” (а за что, неизвестно). Еще до ареста я был измучен, издерган, терроризирован. Мне тяжело было работать, я напрягал свои последние силы, чтобы писать свои произведения. Арест, одиночка, карцер, угрозы

расстрела, угрозы запретить моей семье жить в Минске, разлучить моего ребенка с матерью, болезнь в одиночке — довершили дело. Я был окончательно сломлен. Я боялся сойти с ума, я чувствовал себя на краю гибели. Я уже был бессилён бороться даже за самого себя. И я слепо исполнял то, что от меня требовали. Я писал и подписывал все то, что мне диктовали, писал неправду о себе и о других лицах, в том числе о Федоровиче, не чувствуя за собой вины.

В данном случае я хочу этим письмом внести ясность в мои показания о Федоровиче.

*К. Чорны (Н. Романовский)
2 сентября 1939 г.»¹⁵*

Через девятнадцать дней Лаврентий Фомич нашел «компромат» на пять белорусских писателей. И кто, вы думаете, стоял в этом списке первым? Чувствую, что вы задумались с ответом. Первым в этом списке стоял Кузьма Чорный, которого Цанава все время считал «врагом народа» — контрреволюционером и национал-фашистом. Приведем текст сообщения Цанавы и Сергеева, адресованного Пономаренко:

*«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии
товарищу Пономаренко
Сообщаем, что проверяемые Вами писатели:*

1. Чорный-Романовский Николай Карлович

2. Каминецкий [правильно Каменецкий — Э. И.] Гири Мордохович

3. Кучер Айзик Евсеевич

4. Бядуля-Плавник Самуил Ефимович

5. Глебо Петр Федорович

являются участниками контрреволюционной национал-фашистской организации, в чем изобличаются показаниями ряда разоблаченных и осужденных врагов народа.

*Народный комиссар внутренних дел
Белорусской ССР*

Л. Цанава

Нач. 2 отдела УГБ НКВД БССР

Сергеев

21 сентября 1939 г.

№ 5547/4

г. Минск».¹⁶

А теперь вернемся к письму К. Чорного на имя Пономаренко и Цанавы. Сразу отметим, что в то время готовился очередной процесс над «нацдемами», и Кузьму Чорного готовили в качестве свидетеля обвинения. Но, несмотря на возможность тяжелых для него последствий своего поступка, классик белорусской литературы не желал участвовать в расправе над одним из своих коллег.

К сожалению, попытка К. Чорного защитить Миколу Хведоровича (Чернушевича) окончилась неудачей. 16 июля 1940 года последний был осужден Особым совещанием при НКВД СССР за «участие в антисоветской националистической организации на 8 лет ИТЛ. Второй раз он был осужден Особым совещанием МГБ СССР к ссылке на поселение в Красноярский край.

И все же М. Хведорович выжил в сталинских лагерях, вернулся в Минск, издавал книги, много переводил и умер в 1982 году. Что же касается Кузьмы Чорного, чье здоровье было подорвано пытками, то его не стало в 1944 году — в возрасте 44 лет. Эта смерть на совести руководителей НКВД БССР, в том числе Лаврентия Цанавы.

6 февраля 1938 года был арестован брат жены народного поэта БССР Якуба Коласа Александр Дмитриевич Каменский, который работал преподавателем Минского строительного техникума и проживал вместе с Константином Михайловичем. Он был выслан на 5 лет в Пермскую область.

Все попытки Я. Коласа добиться приема у Л.Ф. Цанавы кончились безрезультатно. Данила Мицкевич вспоминал:

«Бацька хацеў дабіцца прыему ў Цанавы (наркома унутраных спраў БССР) па справе А. Дзм. Каменскага, Але яму там сказалі: “Товарищ Цанава Вас сегодняя не примет и вообще не примет никогда”¹⁷.

По инициативе наркома НКВД карательными органами «создавались» антисоветские организации, в которые записывали многих дюдей. Согласно информации от 11 ноября 1939 года Лаврентия Цанавы первому секретарю ЦК КП (б) Б Пантелеймону Пономаренко органами НКВД БССР было открыто агентурное дело № 3 «Враги». Оно было заведено на основе агентурных материалов и показаний арестованных участников правотроцкистской организации, которая будто бы существовала на Западной железной

дороге. По этому делу были арестованы начальник железнодорожной станции Минск Ф.А. Фролов, диспетчер станции Минск-Товарная К.С. Мороз и другие¹⁸.

К заключенному 28 сентября 1939 года Договору о дружбе и границах между СССР и Германией придавался секретный протокол, подписанный Молотовым и Риббентропом. Он, в частности, предусматривал, что обе стороны не должны допускать на своих территориях никакой польской агитации. СССР и Германия брали на себя обязательство ликвидировать все источники подобной агитации и информировать один другого о мерах, принятых с этой целью (Народная газета, 25 августа 1995 г.).

Выполняя данное обязательство и исходя из содержания и направленности своей внутренней политики, большевистские власти в значительных размерах осуществляли репрессивную политику на территории Западной Белоруссии, при этом они шли двумя путями — выборочные аресты среди местного населения и проведение крупномасштабных государственных акций по выселению определенных категорий жителей.

Мероприятия, характерные для первого пути, осуществлялись довольно интенсивно с первых дней установления советской власти. Достаточно сказать, что по состоянию на 7 октября 1939 года органами НКВД БССР было арестовано 2 708 жителей западных областей. Через неделю эта цифра возросла до 3 535 человек, а еще через 7 дней достигла 4 315. По данным карательных органов, среди арестованных в первую очередь были помещики, дворяне, капиталисты, руководители и члены политических партий, кулаки, осадники, агенты политической полиции, жандармы, таможенники и другие, кого подозревали в возможном шпионаже¹⁹.

Нельзя не согласиться с такой мыслью белорусского историка С.А.Сильвановича:

«Советская политика в отношении к полякам в 1939–1941 гг. была направлена, во-первых, на подавление влияния поляков в этом регионе. А также как реального, так и возможного сопротивления деполонизации и советизации. Этим целям были подчинены антипольские действия в сентябрьские дни 1939 г., ограничение сферы употребления польского языка и культуры, запрещение и уничтожение атрибутов и символов государственной и

национальной жизни, закрытие польских школ»²⁰.

В течение сентября 1939 — февраля 1941 года по политическим мотивам в западных областях БССР было арестовано 19 610 поляков, 7 371 белорус, 10 233 еврея, 822 украинца.²¹

Такую высокую долю поляков среди арестованных можно объяснить их предвоенным социальным и политическим статусом, а также сопротивлением, которое они оказывали власти. Цифры арестованных представителей других национальностей свидетельствуют о том, что в отношении их применялись такие же репрессии, как и к полякам.

Белорусский историк С.А.Сильванович отмечает:

«Некоторое смягчение отношения к полякам во второй половине 1940 — первой половине 1941 г., вызванное, скорее всего, внешнеполитическими расчетами, было поверхностным и к принципиальным изменениям в положении польского населения не привело.

Свое влияние на антисоветские настроения поляков оказала также тогдашняя общеполитическая и экономическая ситуация, стремление сталинского режима духовно закабалить общество...

Сложное переплетение рассмотренных выше факторов вызвало польское движение сопротивления на всем пространстве Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Начало возникать подполье. Главная роль в подполье отводилась связанной с эмиграционным польским правительством общепольской организации «Службы звышэнству Польский» (СЗП), преименованной в ноябре 1939 года в Союз вооруженной борьбы (СВБ). Кроме нее, на территории Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. действовали такие организации, как «польская организация войскова». Союз борьбы за независимость Польши, Легия Подляска», «Батальон смерти», «Нова Польска». «Шаре шеренги», Союз польских патриотов, «Комиссариат жонду восточных земель Речи Полсполитой» и др. В течение этого периода они были частично разбиты органами НКВД, а их остаток подчинялись СЗП-СВБ. С октября 1939 по июль 1940 г. в Западной Белоруссии было ликвидировано 109 различных подпольных

организаций и филиалов, объединяющих 3 231 участника. Из них 98 организаций были польскими, а 2 904 участника были поляками. Среди подпольных организаций, несомненно, были такие, которые в соответствии с практикой НКВД навряд ли существовали на самом деле. Вызывают сомнения, во-первых, организации религиозного характера. Но нужно признать, что сегодня нет возможности точно определить число существовавших в действительности организаций, а документы НКВД и воспоминания свидетелей и участников сходятся в том, что их было много. И раскрыты были далеко не все. Нераскрытые члены вливались в другие организации или продолжали деятельность по восстановлению разбитого подполья. Места арестованных занимали новые члены. Те же, кому угрожал арест, прятались в лесах и становились партизанами...»²².

Из справки НКВД БССР от 10 декабря 1940 года видно, что к моменту установления советской власти в западных областях белоруссии, кроме повстанческих организаций, было раскрыто и ликвидировано 28 вооруженных групп с общим количеством 415 участников. К 1 января 1941 года было ликвидировано еще две группы (7 участников) и на учете оставались три группы (18 человек)²³.

Наркомат внутренних дел БССР во главе с Л.Ф. Цанавой в своей борьбе с польским движением сопротивления уделял особое внимание Союзу вооруженной борьбы. Сотрудники наркомата оперативно реагировали на различные стороны деятельности этой организации на территории Западной Белоруссии.

В связи с этим белорусский исследователь В.И. Ермолович замечает:

«Благодаря их усилиям в первой половине 1940 г. Союз вооруженной борьбы (СВБ) потерял только 518 человек арестованными. Еще большие потери понес СВБ в начале 1941 г. В результате таких крупных облав СВБ, как Виленская, Белостокская, Гродненская и Лидская в феврале-апреле 1941 г. организация потеряла большинство своего состава. Драматизм вызвал тот факт, что почти весь состав Белостокского и Виленского руководящих центров СВБ был арестован органами советской государственной безопасности.

В том числе на Белосточине — 400 человек. В Вильно было арестовано около 100 участников СВБ. В Лидском обводе было арестовано более 200 человек из его личного состава.

Кроме того, органы НКВД БССР в значительной степени смогли нарушить связь подпольных структур Союза вооруженной борьбы в Белоруссии с варшавским руководящим центром СВБ и польским эмигрантским правительством. Главный комендант Союза вооруженной борьбы генерал Стефан Ровецкий («Грот») в 1941 г. признал, что курьерскую связь с восточными пространствами (это значит — Западной Белоруссией) на должном уровне поддерживать не удастся...»²⁴.

Таким образом, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий НКГБ БССР на территории Западной Белоруссии польскому националистическому подполью был нанесен ощутимый урон.

Что касается второго пути, то он был связан с военнопленными польской армии и привел к Катыни.

В предвоенные годы «врагов народа» на территории Западной Белоруссии искали в разных местах. Ими становились представители разных категорий населения. Снова на поверхность вышли «контрреволюционные диверсионно-повстанческие организации».

По данным НКВД БССР, с октября 1939 года по июль 1940 года в западных областях республики было выявлено и ликвидировано 109 различных подпольных повстанческих организаций, которые объединяли 3 231 участника. Среди них 2 904 поляка, 184 белоруса, 8 евреев, 37 литовцев и 98 человек других национальностей. Кроме этого было арестовано 5 584 членов политических партий и организаций: ППС (Польской партии социалистической), Бунда, «Стронництва нарадовага», ОЗОН, Союза стрельцов, Национально-трудового союза и других.

Не дожидаясь формального запрещения, на территории западных областей Белоруссии после 17 сентября 1939 года исчезли еврейские политические партии. Первыми прекратили свое существование сионисты и бундовцы, затем — все остальные. Только наиболее идейные продолжали политическую деятельность в подполье. По предприятиям и учреждениям органами НКВД БССР велась

активная разработка с последующим выявлением и арестами бывших членов еврейских «контрреволюционных националистических» партий и организаций: Бунда (Еврейской рабочей партии), сионистов, активистов молодежной, «фашистской» по определению НКВД, организации «Бейтар» и т.д.²⁵

Белорусские историки Е. Розенблат и И. Еленская отмечают:

«В ходе “чисток” в 1940 г. органами НКВД в Пинске был арестован лидер бундовской организации Шлякман. Тогда же были выявлены члены так называемых “сионистских боевок” в д. Иваники (возле г. Пинска) Рубаха Юдель, Юзюк Юдель и другие. Многие “бывшие люди” были вынуждены идти работать на заводы. Где на них в первую очередь возлагалась ответственность за все случаи сбоев в работе предприятий. Так, в марте 1940 г. по делу об аварии на фанерном заводе был арестован как диверсант мастер лудильного цеха Гинзбург Израиль Аронович. Согласно критериям НКВД идеально подходящий для этой роли: из семьи раввина. Племянник бывшего владельца завода, бывший член “контрреволюционной националистической организации “бейтар”. По данным НКВД, арестованный Гинзбург в совершении аварии сознался, “но отрицал в этом сознательный диверсионный умысел”. Только среди работников фанерных заводов Пинской области было выявлено 10 бундовцев и 25 сионистов. Репрессии против бывших членов еврейских политических, общественных и культурных партий и организаций продолжались вплоть до начала войны и лишали еврейское общество традиционных лидеров...»

Органы НКВД брали на учет и арестовывали не только раввинов, но и весь персонал синагог, активистов религиозных общин. Преподавателей и учеников ешиботников. По Пинской области на оперативный учет были взяты 27 раввинов, 22 резника и 20 человек религиозного актива, который состоял преимущественно из бывших торговцев»²⁶.

После прихода советской власти на западные земли Белоруссии политические репрессии затронули и ряд белорусских общественных деятелей, занимавших независимую позицию. Одной из первых жертв

этих репрессий стал известный белорусский политический и общественный деятель, историк, публицист, литературный критик Антон Луцкевич. После освобождения Западной Белоруссии его пригласили на собрание белорусской интеллигенции, а 30 сентября арестовали и этапировали в Минск. По решению Особого совещания при НКВД СССР от 14 июня 1941 года А.И. Луцкевич был приговорен к 6 годам заключения. Согласно официальной версии, он умер в Семипалатинской области (Казахстан) в 1946 году. Однако наиболее вероятной считается версия, что он погиб между 22 и 30 июня 1941 года по дороге между Минском и Бобруйском во время эвакуации заключенных из Минска, поскольку точно известно, что в начале войны он находился в минской тюрьме. Антон Луцкевич реабилитирован в 1989 году.

Такова же судьба видного деятеля белорусского национально-освободительного движения, поэта, публициста, переводчика Макара Кравцова (Костевича Макара Матвеевича), автора известного стихотворения «Мы выйдем шчыльнымі радамі», который стал гимном Белорусской Народной Республики, его арестовали в конце 1939 года вместе с Я. Позняком, С. Буслом, А. Трепком, В. Гришкевичем, В. Самойлом и другими. Материалы об обстоятельствах смерти М. Кравцова, к сожалению, до сих пор не выявлены.

В тюрьме оказался и бывший редактор «Нашай нівы», белорусский общественный и культурный деятель, издатель, публицист Александр Власов. В сентябре 1939 года он приветствовал поход Красной армии в Западную Белоруссию. Власов высказывался за открытие белорусской средней школы в Родошковичах. После событий 17 сентября 1939 года он явился в редакцию местной газеты в Молодечно, чтобы предложить свои услуги. Когда Власов написал автобиографию, в которой рассказал о своем участии в белорусском национальном движении, его направили в органы НКВД, где он и был арестован 16 октября 1939 года по обвинению в «шпионско-провокаторской деятельности». А. Власов удерживался в заключении в витебской тюрьме.

29 ноября 1940 года Особым совещанием при НКВД СССР он был осужден как «социально опасный элемент» на 5 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Власова выслали в Сиблаг (Новосибирская область, Россия). Он умер от «паралича сердца» (со-

гласно справке) 11 марта 1941 года — на 67-м году жизни на станции Мариинск (теперь Кемеровской области). По другим данным, это произошло на этапе в городе Орле или Республике Марий Эл, Россия. А. Власов реабилитирован в 1961 году.

В апреле 1940 года из Вилейки в Казахстан была выслана белорусская поэтесса Наталья Арсеньева. В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся два интересных документа, связанные с этим событием.

В первую очередь, это письмо секретаря Вилейского обкома партии Б.М. Климковича руководителю партийной организации Белоруссии:

*«Секретарю ЦК КП(б)Б
тов. Пономаренко*

В середине апреля из Вилейки была выслана вместе с двумя детьми белорусская поэтесса Арсеньева-Кушель Наталья Алексеевна, по-видимому, как жена бывшего польского офицера. Судя по ее творчеству, которое никогда не было направлено против народа, против советской власти еще во время польской оккупации (а творчество в советское время было, безусловно, и искренне советским), судя по ее работе в газете, и по отношению к делу, к людям — здесь могла произойти и ошибка, которая лишает белорусскую литературу очень культурного поэта-лирика, а западную белорусскую поэзию почти одной четверти. Если она была замешана каким-либо образом в предосудительных делах, тогда, конечно, высылка ее — дело вполне естественное и о ней жалеть нечего. Если же она выслана только как жена офицера, то, по всей вероятности, можно было бы и не применять такой меры, сохранив ее для литературы.

Просьба к вам, тов. Пономаренко, затребовать материалы об Арсеньевой и, ознакомившись с ними, решить, не будет ли целесообразным и возможным вернуть ее.

Б.Климкович.

26.IV. 40 г.»²⁷.

На письме имеется резолюция П.К. Пономаренко:

«Тов. Цанава! Надо было посоветоваться с нами. Прошу Ваше мнение.

Пономаренко

28.IV. 40 г.»²⁸.

Ответ Л.Ф. Цанавы датирован 4 июля 1940 года:

«Т. Пономаренко лично

Кушель Наталья Алексеевна — литературный псевдоним «Арсеньева» — жена кадрового офицера бывшей польской армии.

Муж ее — Кушель Франц Викентьевич находится в Старобельских лагерях военнопленных.

На основании этих данных Кушель Н.А. была выселена 13 апреля 1940 года.

Со своей стороны считаю, что возвращать ее на жительство в г. Вилейку нежелательно.

*Народный комиссар
внутренних дел Л. Цанава»²⁹.*

Н. Арсеньева с двумя детьми находилась в ссылке в Казахстане более года.

В потенциальные «враги народа» в то время была зачислена значительная часть бывших участников коммунистического подполья — членов Коммунистической партии Польши, Коммунистической партии Западной Белоруссии, Коммунистической партии Западной Украины. Это было связано с тем, что еще в 1938 году необоснованным решением Коминтерна Коммунистическая партия Польши и входившие в нее Коммунистическая партия Западной Белоруссии и Коммунистическая партия Западной Украины были распущены как провокационные организации, попавшие под контроль польской политической полиции (дефензивы). Поэтому некоторые члены КПЗБ были арестованы. Так, например, бывший член КПЗБ М.С. Петрович был осужден Особым совещанием НКВД БССР на 5 лет как «социально опасный элемент» за то, что дал согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета БССР без санкции райкома партии³⁰.

После 17 сентября 1939 года в БССР возникла проблема беженцев из территории Польши, занятой немецкими войсками.

Вопросами, связанными с расселением беженцев в Западной Белоруссии, занимались созданные при городских, областных временных управлениях комиссии по устройству беженцев. Они размещали их в школах, синагогах, на частных квартирах, пытались устроить на работу.

Следует отметить, что численность прибывших в Западную Белоруссию беженцев

была настолько значительна, что местные органы власти оказались не в состоянии в полной мере осуществить эти мероприятия. В оперативной сводке Л.Ф. Цанавы на имя П.К. Пономаренко, датированной 13 октября 1939 года, отмечалось, что в городе Белостоке беженцы проживают чрезвычайно скученно: в одной из еврейских школ, максимальная вместимость которой составляла 1500 человек, проживало 3000 беженцев³¹.

Согласно докладной записке народного комиссара внутренних дел БССР Лаврентия Цанавы первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко об агентурно-оперативной работе среди беженцев, которые прибыли из территории, занятой Германией, по состоянию на 5 февраля 1940 года в Белоруссии насчитывалось 72 996 беженцев, среди которых евреи составляли 65 796 человек³².

Белорусские исследователи А. Хацкевич, К. Козак и другие называют цифры в 100-110 тысяч беженцев из Польши на территории БССР. Так, в действительности можно предполагать, что не все беженцы регистрировались, и на самом деле их количество было значительно большей, чем сообщается в докладной записке Л. Цанавы.

Предоставим слово автору кандидатской диссертации «Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)» Дмитрию Толочко:

«Большинство историков, которые дают цифру в 110 тысяч человек, ссылаются на докладную записку «Об агентурно-оперативной и следственной работе по линии 3-го отдела УГБ НКВД БССР», датированную 16 января 1940 г. Документ был отправлен Л.Ф. Цанавой руководству ЦК КП(б)Б. Согласно указанному документу. На 1 января 1940 г. численность беженцев достигала 110 тыс.

Мы полагаем, что данная цифра также не отражает всех беженцев, прибывших в Западную Беларусь к концу 1939 г. это связано с тем, что к 1 января 1940 г. значительная их часть из Западной Беларуси уже была отправлена на Урал и в другие регионы СССР...

Отмечались также факты уклонения беженцев от регистрации. Об этом сообщал, в частности, первый секретарь Белостокского обкома КП(б)Б С.С.Игавев: «в городе Белостоке многие [беженцы — Д.Т.] не явились на регистрацию, особенно жи-

вущие на частных квартирах...». Не следует, однако, преувеличивать их численность. В документах отмечаются только единичные случаи подобного рода явлений. Таким образом, можно утверждать, что до конца 1939 г. в Западную Беларусь прибыло порядка 125-126 тыс. беженцев»³³.

Между тем руководитель НКВД БССР Лаврентий Цанавы выискивал новых врагов. В его докладной записке на имя П.К. Пономаренко говорилось:

«Среди беженцев имеется значительное количество контрреволюционного элемента, который проводит контрреволюционную подрывную деятельность, организует переправочные пункты беженцев в Германию, организывает нелегальную переправку корреспонденции в Германию, занимается контрабандной деятельностью, спекуляцией, распространяет всевозможные провокационные слухи, так, например:

...Работающий в Белкиномонтаже беженец Венский, опоздавший на 3 мин. на работу и на замечание товарищей по работе, что в СССР опаздывать на работе не разрешается, последний заявил, что он работал в г. Варшаве, опаздывал на работу на 20–30 минут, хозяин никогда его за это не наказывал и, обращаясь к своему товарищу Шиловицкому (беженец) на еврейском языке, сказал: «Здесь не социализм, а фашизм. Нужно целовать камень в Вильно, в СССР одежду купить нельзя, есть нечего».

В разговоре с секретарем парторганизации кинофикации тов. Миллер Венский заявил: «Карл Маркс, говоря о социализме и коммунизме, не предполагал такого устройства, которое мы имеем в СССР. У нас не социализм и не коммунизм. В СССР не хватает людей потому, что нет организации труда, и люди не умеют работать, не хватает сахара и масла потому, что его вообще нет. Москва город плохой и грязный, а Варшава чистый и большой культурный центр...».

По делу Венского ведется негласное следствие, после чего Венский будет арестован»³⁴.

Докладная записка Л. Цанавы от 7 февраля 1940 года заканчивалась следующими словами:

«В целях ликвидации контрреволюционной деятельности, проводимой антисоветским элементом из среды беженцев, органами НКВД БССР арестовано по Белоруссии 204 человека, дезорганизаторов. Саботажников, срывающих работу на производстве и ведущих контрреволюционную разложившуюся работу среди беженцев.

Выявление и арест дезорганизаторов, саботажников и другого контрреволюционного элемента среди беженцев продолжается»³⁵.

Белорусский историк Д.М. Толочко пришел к следующему выводу:

«Таким образом, следует отметить, что беженцы из Польши уже с первых дней нахождения на территории западных областей Беларуси попали в оперативную разработку органов НКВД [ведомства Цанавы — Э.И.]. Первые массовые аресты среди них начали производиться уже в октябре 1939 г. и продолжались до июня 1941 г. Особо следует выделить проведение депортации части беженцев из региона вглубь СССР. Ее осуществление было связано с целым комплексом социально-экономических и политических причин. В процессе проведения депортации можно выделить несколько этапов. Первый — март — 29 июня 1940 г. На этот период приходилась паспортизация беженцев. Ее проведение дало возможность не только учесть численность и состав беженцев, но и выявить степень лояльности их к новой власти, в этот период также проводился дополнительный учет беженцев, изъявивших желание покинуть пределы СССР. Следующим этапом стало уже непосредственное осуществление самой депортации (29 июня — 4 июля 1940 г.). По нашим подсчетам численность высланных беженцев составила порядка от 30 298 до 30 971 человека. Они были размещены в Коми АССР, Красноярском крае, Вологодской, Архангельской, Кировской и Свердловской областях»³⁶.

По подсчетам А. Хацкевича, общее количество задержанных только в результате оперативно-следственной работы в западных областях Белоруссии с октября 1939 года по июль 1940 года составило 8 815 человек³⁷.

Как правило, дела на арестованных за контрреволюционные преступления рассматривались внесудебными органами. А только небольшая их часть рассматривалась в установленном порядке через суды. Так, например, в первом полугодии 1940 года Верховным судом БССР рассматривалось 67 дел, поступивших из пяти западных областей Белоруссии, во втором полугодии — 58³⁸.

Репрессии против населения западной части Белоруссии продолжались до самого начала Великой Отечественной войны. В Западной Белоруссии было репрессировано более 125 000 человек³⁹.

Многие «спецпереселенцы» погибли во время транспортировки на восток. Около 5 000 человек приговорили к смертной казни и различным срокам заключения.

Академик НАНБ М.П. Костюк отмечает:

«...Количество репрессированных в западных областях БССР с сентября 1939 года и до начала Великой Отечественной войны составляло около 150 тыс. человек (без военнопленных польской армии, из-за отсутствия точных данных и без высланных из Белоруссии беженцев).

В это количество входят как высланные в отдаленные районы страны (таких абсолютное большинство), так и перемещенные в пределах республики. Такое насильственное переселение из родных мест также являлось для сельских жителей настоящей трагедией»⁴⁰.

Жертвами политических репрессий в Белоруссии в конце 1938 — начале 1941 года, то есть во время, когда Цанава был наркомом внутренних дел БССР, стали многие граждане республики — представители различных социальных слоев — от простого рабочего до руководителя самого высшего ранга.

Назовем только некоторых.

Анатолий Андреевич Ананьев, 1900 года рождения. Заместитель председателя Совета Народных Комиссаров БССР, 2-й секретарь ЦК КП(б)Б. Осужден 29 мая 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР на 20 лет исправительно-трудовых работ и на 5 лет лишения прав. Умер 25 мая 1942 года в пересыльной тюрьме города Аткарска Саратовской области. Реабилитирован 25 декабря 1954 года.

Мария Давыдовна Апина, 1901 года рождения. Сестра-хозяйка 2-й больницы г. Мин-

ска. Осуждена 15 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР «по подозрению в принадлежности к агентуре латвийской разведки» на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирована 23 апреля 1957 года.

Андрей Захарович Асташенок, 1889 года рождения. Старший экономист Минкстрейт-треста. Осужден 15 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР на 8 лет исправительно-трудовых работ за «участие в контрреволюционно-националистической организации». Второй раз осужден 14 мая 1949 года Особым совещанием при НКВД СССР к ссылке в Красноярский край. Реабилитирован 23 апреля 1956 года.

Сергей Петрович Богдановский, 1891 года рождения. Старший инспектор отдела службы Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР. Осужден 15 августа 1939 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР как «агент польской разведки» на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении 20 января 1942 года. Реабилитирован 28 января 1958 года.

Мария Иосифовна Байгельман-Вельман, 1895 года рождения. Библиотекарь Государственной библиотеки имени Ленина, осуждена 9 февраля 1940 года Особым совещанием при НКВД СССР как «социально опасный элемент» на 3 года ссылки. Реабилитирована 27 августа 1957 года.

Болеслав Петрович Баньковский, 1896 года рождения. Возчик гужевого автотранспорта городского топлива. Осужден 29 июня 1940 года Особым совещанием при НКВД СССР за «принадлежность к агентуре польской разведки и проведение антисоветской агитации» на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 12 августа 1957 года.

Терентий Степанович Бородич, 1902 года рождения. Исполняющий обязанности доцента Минского мединститута. Осужден 11 сентября 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей как «агент польской разведки и член контрреволюционной группы “Культурная помощь”». Реабилитирован 22 октября 1957 года.

Давид Иосифович Барон, 1892 года рождения. Товаровед. Уполномоченный Союзного машинного обеспечения сбыта по БССР. Осужден 5 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР как агент германской разведки» на 5 лет ИТЛ В 1947 году вы-

слан на поселение. Реабилитирован 17 апреля 1956 года.

Иван Адамович Буткевич, 1892 года рождения. Слесарь ремонтного треста Мингоркомхоза. Осужден 5 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР за «антисоветскую агитацию и пропаганду, принадлежность к польской разведке» на 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 2 апреля 1959 года.

Самуил Аронович Гольдберг, 1920 года рождения. Рабочий артели «16 красных партизан», осужден 29 ноября 1940 года за «незаконный переход государственной границы» на 3 года ИТЛ. Реабилитирован 14 июня 1989 года.

Сегодня многие юноши и девушки часто задают такой вопрос: *«Почему же совершенно невиновные люди признавались во всех смертных грехах, в различных преступлениях?»*

Ответ будет коротким: *«В результате многочисленных жестоких и невыносимых пыток».*

Вот некоторые виды пыток, которые накануне Великой Отечественной войны применялись в тюрьмах НКВД Белоруссии, и прежде всего в минской тюрьме.

«Стойка на конвейере» — на «конвейере» арестованный стоит по стойке «смирно» со сжатыми ногами, сдвинутыми носками и опущенными вдоль туловища руками. Ему не разрешают двигаться, и не дают пищи, воды. День сменяет ночь, сутки сменяют сутки, а подследственный стоит без движения и сна. У человека после этой экзекуции опухают руки и ноги, он не может идти, падает. От нервного переутомления наступают зрительные и слуховые галлюцинации.

Прием «секретный» или «мозги в потолок». Этот метод заключается в том, что на шею человека набрасывается ремень и сильным ударом по нему около затылка производится сотрясение головного мозга. Применяли и такой метод: вливали в нос нашатырный спирт, который обжигал слизистую оболочку носа, рта, горла. От этого нос распухал, шла кровь. Особенно часто в ходу был «бригадный метод». Когда в избиении принимали участие несколько следователей-садистов. «Бригада применяла одновременно и несколько способов пытки. Один рвал волосы, другой давил горло, третий оплевывал лицо, остальные били кулаками и сапогами по голове, груди, животу, ногам.

Заставляли подследственных лежать часами спиной на остром ребре табуретка со

сведенной головой, могли кричать в ухо через рупор.

Зажимали руки, кисти рук и отдельные пальцы железными дверями. Засаживали иглы под ногти.

Так чем же отличались допросы в НКВД от допросов гестапо?

В книге воспоминаний бывшего Председателя Совета Народных Комиссаров БССР А. Ковалева, арестованного по приказу Цанавы 25 января 1939 года, «Колокол мой — правда», мы читаем:

«Старший по званию, лейтенант НКВД, предъявил ордер на арест и обыск, подписанный наркомом внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавой.

— Вы не имеете права меня арестовывать, — заявил я. — Я депутат Верховного Совета СССР и БССР, член ЦК КП(б)Б. Я протестую против этого беззакония.

— Мы исполняем приказ. А протестовать вы будете там, куда мы вас доставим, — сердито, сверкая глазами, сказал лейтенант.

Мне грубо завернули руки за спину и усадили в угол комнаты.

— Все тщательно обыскать, — сказал подчиненным лейтенант.

В квартире находилось больше десяти работников НКВД. Некоторые были в штатской одежде. Они переворачивали все верх дном, ощупывали каждую подушку, вспаривали матрацы, обстукивали пол и стены. Шарили в шкафах, выбрасывая все на пол. Каждый чемодан также тщательно ощупывался: нет ли двойного дна. Из детской кроватки подняли больного трехлетнего Толю, вспороли его матрац. Заглядывали в печку, духовку, трубу...

После девяносточасового стояния на допросах ноги и руки распухли, лицо отекло. Я с трудом передвигался. Ноги не вмещались в штанины, пришлось разорвать их до колена, а на ноги надеть галоши, которые носил раньше на сапогах. Физически я был почти сломлен, духовно — нет.

В таком виде я предстал перед наркомом внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавой. Он пожелал лично допросить меня.

Посреди кабинета, куда меня ввели, стоял длинный стол, в конце которого сидел небольшого роста человек. Черный, с большим носом.

Цанаву я встречал, будучи на свободе, на совещаниях в ЦК КП(б)Б, которые проходили в кабинете П.К. Пономаренко. Теперь вот я стоял перед ним как подсудимый. По моему виду он мог судить, как старательно потрудились его подчиненные.

«Вот он стоит передо мной, опухший, оборванный, шатается от изнеможения, а признаваться не хочет... Нет, я его ставлю. Мне он скажет!» — читал я в блестящих от злобы глазах Цанавы, которые глядели на меня в упор.

— Да, как видно, живется вам тут неважно, комфорт тут тюремный, самый подходящий для врагов народа, ха-ха-ха, — ехидно смеялся Цанава. Ему угодливо улыбались присутствующие здесь же работники старшего состава аппарата НКВД.

Цанава, довольный своим остроумием, продолжал некоторое время молча рассматривать меня с ног до головы, потом изрек:

— Нам нэт неабхадымасти вазитесь с тобой, нам все известно. Ты, безусловно, враг, и будэм судить, как врага народа. Но мы хатым облегчить твою участь тэм, что ты чыстасэрдэчна раскажешь о своей враждебной работе...

Это были те же слова, которые много раз говорил следователь. Ничего нового. Это еще больше убеждало меня, что обвинение, построено на клевете...

— Ты должен правдиво рассказать все, — продолжал Цанава. — От нас ничего не скроешь. Гавары!

— Мне нечего скрывать! — ответил я. — Вам, как и следователю, я говорю только правду. Лично вам хочу кое-что добавить.

При этих словах Цанава даже вытянул шею, выпучил глаза, весь напрягся.

— Вот-вот. Давай, все рассказывай!

— Врагом Советской власти, ленинской партии я никогда не был и не буду. Произвол, который творится в этих стенах, — это грубейшее нарушение советских законов! — сказал я. — Вы говорите, что все знаете и можете судить меня. Так судите открытым, гласным судом, где бы я мог выступить перед народом, перед моими избирателями, которые избрали меня депутатом Верховного Совета СССР и БССР, чтобы я мог сказать,

что все предъявленные мне обвинения построены на лжи и клевете...

Цанава стукнул по столу, лицо его налилось кровью, а черные усы неестественно шевельнулись.

— Хватит! Мы тэбя сейчас разоблачим. Введите сюда Пивоварова! — крикнул он...

Задавать Пивоварову [бывшему наркомму просвещения БССР — Э.И.] вопросы мне запретили. Он подписал протокол, и его увели.

Цанава с видом победителя заявил, что и мне бесполезно отпираться, нужно, как и Пивоварову, признаться в своей вредительской контрреволюционной работе.

— Все, что я слышал здесь, — вздор, глупейшая ложь, и вы, гражданин нарком, это хорошо знаете.

Цанава вскочил и-за стола, пробежал по кабинету. Остановился возле меня, затопал ногами, закричал:

— Ты подлец, ты злейший враг!

— Я честный человек, а вы совершаете враждебное дело, — отвечал я.

Цанава пришел в ярость.

— Уведите эту сволочь! В карцер его!»⁴¹.

Цанава требовал от следователей добиваться «признаний» любыми способами. В ход пускались жестокие физические пытки, изощренные методы психологического давления.

Лаврентий Фомич фактически продолжил политику массовых репрессий, начатую его предшественниками на посту наркома НКВД, особенно Берманом и Наседкиным.

Даже после того как Военная коллегия Верховного суда СССР в конце мая 1940 года оправдала А.Ф. Ковалева, М.О. Стакуна и других ответственных работников республики, Цанава и Пономаренко опротестовали это решение с целью не допустить их выхода из тюрьмы.

В воспоминаниях А.Ф. Ковалева есть такие строки:

«Примерно через месяц после ознакомления с материалами следствия [в конце мая 1940 года — Э.И.] меня привезли на суд Военной коллегии Верховного Суда СССР. Сюда же привезли и остальных “врагов народа”, проходивших по данному делу.

Теперь я впервые увидел всех вместе. Нас было человек десять. Знал я только четверых: А.А. Ананьева, который до своего ареста работал вторым секретарем ЦК КП(б)Б, а ранее, до перехода в ЦК, — моим заместителем в СНК БССР; В.И. Пивоварова, бывшего наркома просвещения БССР; В.Д. Потапейко, бывшего секретаря ЦК КП(б)Б, которого накануне ареста назначили начальником Главного управления по делам искусств при СНК БССР, и М.О. Стакуна, бывшего председателя Президиума ЦИК БССР.

...Пивоваров и Потапейко заявили суду, что они подписали клеветнические показания против меня под физическими и моральными пытками. Теперь же, перед судом, отказываются от этих показаний...

Председательствующий зачитал протокол очной ставки Пивоварова со мной, которую проводил в своем кабинете Цанава.

— Почему вы, — спрашивает судья Пивоварова, — при очной ставке с Ковалевым не заявили наркомму, что вас били и принуждали давать ложные показания на Ковалева на себя?

— Нарком Цанава хорошо знал, как идет следствие и какими методами добиваются у арестованных признания вины. Говорить ему об этом было бесполезно, — ответил Пивоваров...

В конце дня был объявлен приговор. Пять или шесть человек суд оправдал. В том числе был полностью оправдан Михаил Осипович Стакун. Ананьева, Пивоварова, Потапейко и других суд признал виновными и приговорил к разным срокам заключения...

А что же случилось с теми, кого суд оправдал? Увы. И их радость оказалась лишь мимолетной. Цанава и Пономаренко опротестовали судебное решение Военной коллегии. Они не могли, они боялись согласиться с тем, что суд оправдал людей, оказавшихся осужденными по их воле. А если эти несколько человек выйдут на свободу оправданными, Пономаренко и Цанаве придется отвечать.

Особенно нежелательным было для Цанавы и Пономаренко освобождение М.О. Стакуна. Коммунист с дореволюционным партийным стажем, он непременно потребует ответа. Итак, протест и

только протест против решения суда! — решили они. Была затеяна длительная волокита, оправданные судом оставались в тюрьме. Некоторые потом были освобождены.

Михаил Осипович Стакун так и не увидел свободы — он умер в тюрьме г. Тамбова в апреле 1943 года.

Мое следственное дело возвращалось обратно в Белоруссию. В Минск, на новое расследование. Суд не нашел основания осудить меня...

В октябре 1940 года Прокурор СССР по надзору за судебными органами вынес решение об освобождении меня из тюрьмы ввиду отсутствия состава преступления. Постановление было злодейски скрыто, я об этом не знал...

Теперь, седьмого апреля 1942 года выхожу на свободу через узкую дверь железной калитки»⁴².

В 1939 году внимание спецслужб было перенесено на территорию Западной Белоруссии. Система политического сыска активно включилась в работу. Уже в апреле 1940 года по материалам секретно-политического отдела НКВД БССР подлежало аресту 132 человека по Новогрудскому, Несвижскому, Пинскому, Столинскому, Лунинецкому, Лидскому уездам. 68 человек находилось в разработке. «В связи с борьбой с повстанческими контрреволюционными организациями» все ксендзы в июле 1940 г. были взяты «в активную агентурную разработку». В октябре 1940 года в агентурную разработку брались «все, проходившие по нацидемовским организациям»⁴³.

В минской тюрьме НКВД — «американке» был организован особый режимный корпус, куда доставлялись арестованные, уже приговоренные к смерти, но, по мнению следователей, не все рассказавшие на следствии. Осужденные допрашивались с помощью особенно изощренных пыток. Если допрашиваемый давал «показания», положение его облегчали, давали ему еду, сигареты. В особом корпусе содержались 270 человек, из них 88 «дали показания» на 3 489 граждан⁴⁴.

3 июня 1988 года в газете «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья старшего научного сотрудника Института истории АН БССР Зенона Позняка и журналиста Евгения Шмыгалевы «Куропаты — дарога смерці». В статье утверждалось, что в лесном массиве Куропаты захоронены жертвы политических

репрессий 1937–1941 годов. Обобщив все имевшиеся материалы, авторы статьи сделали вывод, что на этом месте в предвоенные годы органы НКВД БССР проводили массовые расстрелы людей. Статья имела массовый резонанс и послужила основанием для возбуждения Прокуратурой БССР 14 июня 1988 года уголовного дела. Это было первое в СССР уголовное дело против тоталитарного государства за преступления против своего народа в 1930-е годы.

Первое следствие по Куропатам проводилось с июня по ноябрь 1988 года, потом было прекращено и возобновлено в январе 1989 года. По оценочным данным, в урочище Куропаты покоится прах не менее 30 тысяч репрессированных.

В ходе расследования было опрошено около 200 очевидцев событий. 55 свидетелей из числа жителей деревень Цна-Иодково, Подболотье, Дроздово, расположенных вблизи лесного массива показали, что в 1937–1941 годах работники НКВД БССР на крытых автомашинах привозили сюда людей и расстреливали их. Трупы закапывали в ямы. Расстрелы начались в 1937 году и продолжались до 1941 года. Судя по характеру и номенклатуре обнаруженных вещей, в Куропатах были захоронены в основном выходцы из Беларуси, в том числе из западных областей и, возможно, из Прибалтики. Есть основания полагать, что там покоится прах заключенных Автодорлага.

В постановлении о прекращении уголовного дела было отмечено:

«Принимая во внимание, что виновные в этих репрессиях руководители НКВД БССР и другие лица приговорены к смертной казни либо умерли, на основании изложенного... уголовное дело, возбужденное 14 июня 1988 года прокурором Белорусской ССР, прекратить»⁴⁵.

В 1993 году новое расследование дела по Куропатам было проведено досконально. Был обнаружен и «польский след». В частности, в одном из российских архивов был найден приказ за подписью Л. Берии об этапировании из тюрем НКВД западных областей Белоруссии в Минск 3 000 офицеров польской армии и заочного приговора к их расстрелу. В марте-апреле 1940 года они были доставлены в Минск, их след здесь теряется... Фактически было доказано, что Катынь и Куропаты — звенья одной цепи.

Напоминаем, что наркомом НКВД БССР был в то время Л. Цанава

В ходе последнего, четвертого следствия 1998 года впервые было обнаружено самое большое из всех найденных в Куропатах захоронений, в котором содержались останки более 300 человек) (обычно в ямах находилось до 100 останков). Следствие преподнесло еще одну сенсацию — впервые за всю историю раскопок в Куропатах были найдены вещественные доказательства с конкретными датами и фамилиями, свидетельствовавшие о том, что расстрелы проходили до начала войны. В захоронении № 30 были обнаружены тюремные квитанции об изъятии при аресте ценностей, выданные 10 июня 1940 года Мовше Крамеру и Мордыхаю Шулескесу, т.е. за год до оккупации Минска⁴⁶.

Имя Цанавы связано не только с Куропатами, но и с трагедией в Катюни.

Это название хорошо знакомо широкому читателю.

Катюнь — это лесной массив за 30 км на запад от Смоленска, где, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года, органами НКВД СССР в апреле-мае 1940 года был расстрелян 4 421 польский офицер.

Что предшествовало этому?

После разгрома и раздела Польши в сентябре 1939 года в советский плен попало около 250 тысяч польских солдат и офицеров. Их поручили наркомату внутренних дел СССР.

19 сентября 1939 года нарком Берия подписал приказ об образовании Управления по делам военнопленных и создании сети приемных пунктов и лагерей-распределителей.

В лагеря поступали новые арестованные: оперативные группы НКВД на Западной Украине и в Западной Белоруссии выявляли «чуждые элементы», «антисоветски настроенных лиц», которых тут же арестовывали, а их семьи выселяли в Казахстан. Еще примерно 140 тысяч поляков были насильственно вывезены на Крайний Север и отправлены на лесоразработку.

На Украине этим занимался нарком внутренних дел республики комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов, в Белоруссии — нарком внутренних дел БССР старший майор госбезопасности, а затем комиссар госбезопасности 3-го ранга Лаврентий Фомич Цанава.

В книге Владимира Абаринова «Катюнский лабиринт» (М., 1991) есть такие строки:

«...Вот для того, чтобы было ясно, где и что искать, публикую обещанное продолжение списка сотрудников НКВД-НКГБ, имевших непосредственное отношение к катынской акции:

Баштаков Леонид Фокеевич, начальник 1-го спецотдела НКВД СССР, майор ГБ.

Бегма Павел Георгиевич, начальник особого отдела Белорусского военного округа, майор ГБ.

Белянов Александр Михайлович, заместитель начальника особого отдела ГУГБ НКВД СССР, майор ГБ.

Герцовский Аркадий Яковлевич, заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, капитан ГБ.

Зильберман Константин Сергеевич, заместитель начальника ГТУ НКВД СССР, майор ГБ.

Калинин Анатолий Михайлович, помощник начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, капитан ГБ.

Корниенко Трофим Николаевич (?), начальник 1-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, старший майор ГБ(?).

Маков, начальник 4-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР, лейтенант ГБ

Масленников Иван Иванович, заместитель наркома внутренних дел СССР, комкор.

Никольский, начальник ГТУ НКВД СССР, майор ГБ.

Ратушный, заместитель наркома внутренних дел УССР, капитан ГБ.

Решетников, (П.М.Решетников назначен на этот пост приказом Цанавы от 25 января 1939 года — Э.И.) заместитель наркома внутренних дел БССР.

Ростомаивили Михаил Енукович, начальник особого отдела Харьковского военного округа, полковник.

Сафонов Петр Сергеевич, заместитель начальника ГУЛАГ НКВД СССР, капитан ГБ.

Сахарова, старший уполномоченный 1-го спецотдела НКВД СССР, лейтенант ГБ.

Сморodinский Владимир Тимофеевич, капитан ГБ.

Фитин Павел Михайлович, начальник 1-го управления (разведка) ГУГБ НКВД СССР, старший майор ГБ.

Цанава Лаврентий Фомич, нарком внутренних дел БССР, комиссар ГБ 3-го ранга.

Чернышов Василий Васильевич заместитель наркома внутренних дел СССР, комдив.

Яцевич, начальник 2-го отделения 2-го отдела ГУЛАГ НКВД СССР, младший лейтенант ГБ»⁴⁷.

В начале 1940 года с Украины от Н.С. Хрущева поступили предложения об укреплении охраны границы в западных областях УССР и БССР, поддержанные Берией и рассмотренные 2 марта 1940 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Предлагалось наряду с очисткой от местного населения 800-метровой полосы вдоль границы депортировать в районы Казахстана на 10 лет семьи репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных поляков, всего 22–25 тыс. семей. «Наиболее злостных» из подлежащих выселению надлежало арестовывать и передавать их дела Особому совещанию при НКВД СССР. Дома и квартиры выселяемых должны были служить для расселения военнослужащих РККВ, партийно-советских работников, командированных для работы в западные области Украины и Белоруссии. Политбюро поддержало эти предложения и приняло специальное решение по данному вопросу. Аналогичное постановление принял и Совнарком СССР⁴⁸.

По всей видимости, эти предложения послужили толчком и к принятию всеобъемлющего кардинального решения в отношении судьбы польских офицеров и полицейских — узников лагерей для военнопленных НКВД СССР. 2–3 марта 1940 года по требованию Берии были составлены сводные данные о наличии в системе УПВ польских офицеров, полицейских, священников, тюремных работников, пограничников, разведчиков и т.д. А к 5 марта уже было подготовлено и письмо наркома внутренних дел СССР Сталину, предусматривавшее расстрел этих лиц без всякой судебной процедуры, включая даже такую ее карикатурную форму, как Особое совещание. Кроме 14,7 тысяч военнопленных, предлагалось расстрелять и 11 тысяч узников тюрем западных областей УССР и БССР.

5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло свое печально знаменитое решение о расстреле польских офицеров, которое сегодня известно всему миру как «катынская трагедия».

Приведем текст этого решения:

«144. Вопрос НКВД СССР

I. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях военнопленных 14 700 человек бывший польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр] — р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения. Постановления об окончании следствия — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе тт. Меркулова, Кабулава [Так в тексте. Правильно — Кобулова. — Э.И.] и Баиштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК»⁴⁹.

Л.Ф. Цанаве представилась возможность «отличиться», проявить свое старание и исполнительность.

Подготовка к проведению расстрела узников трех спецлагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР началась буквально на следующий день после заседания Политбюро. С 7 по 15 марта был проведен ряд совещаний в Москве — с сотрудниками центрального аппарата НКВД, с начальниками Управлений НКВД трех областей — Смоленской, Калининской и Харьковской, с их заместителями и комендантами, с начальниками Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. с руководством НКВД УССР и БССР.

22 марта 1940 года Берия подписал приказ «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР».

Значительную часть заключенных этих тюрем составляли офицеры и полицейские. Переводу в Киевскую, Харьковскую и Херсонскую тюрьмы (для последующего расстрела там) подлежали 900 заключенных из Львовской тюрьмы, 500 — из Ровенской, 500 — из Волынской, 500 — из Тернопольской, 200 — из Дрогобычской, 400 — из Станиславской; в Минск — 3000 арестованных (из Пинска — 500, из Брест-Литовска — 15 000, из Вилейки — 500, из Барановичей — 450). Всю работу по перевозке заключенных надлежало осуществлять в десятидневный срок, т.е. к началу массового расстрела узников лагерей и тюрем⁵⁰.

Лаврентий Фомич принял активное участие во всех этих преступных мероприятиях в качестве наркома внутренних дел БССР.

А детали участия Цанавы в катынской трагедии еще предстоит изучить.

Кроме этого, с его именем связаны четыре депортации населения Западной Белоруссии, которые проходили с 13 апреля 1940-го по 20 июня 1941 года.

Анализ политических репрессий 1939–1941 годов на территории БССР позволяет прийти к определенным выводам.

Всего за пределы республики (с западной и восточной частей) в 1939–1941 годах и в послевоенные годы, по официальным данным, выселено в административном порядке 87 729 человек. Таким образом, в 1930–1950-е годы необоснованно репрессировано более 349 тысяч граждан БССР, а общее количество жертв политических репрессий в Белоруссии составляет около 600 тысяч человек.⁵¹

В то же время белорусский историк И.Н. Кузнецов отмечает: «На основании материалов судов, прокуратуры, НКВД-МГБ СССР и БССР можно сделать предварительную оценку количества репрессированных уроженцев Беларуси в 30-40-е годы [XX века. — Э. И.]. По оценочным данным в 1935-1940 годах за контрреволюционные преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 500 тысяч человек. Если учесть и количество граждан репрессированных в административном порядке, эта цифра составит не менее 1,5 миллионов человек. В том числе по предварительным данным на территории Западной Сибири погибло не менее 30 тысяч уроженцев Беларуси»⁵².

В те годы деятельность спецслужб касалась всех сторон жизни общества. За счет развитой системы осведомления они отслеживали любое проявление инакомыслия, изолировали или фактически уничтожали инакомыслящих, контролировали работу аппарата управления, всех государственных и общественных структур, выполнение общереспубликанских, отраслевых, производственных планов.

Трагическим результатом массовых репрессий в БССР явилось практически полное уничтожение дореволюционной интеллигенции и значительной части новой, советской, подготовленной в 1920–1930-е годы высшими учебными заведениями республики.

Репрессии уничтожили элиту белорусской нации, ее интеллектуальный потенциал. Массовый террор против интеллигенции обернулся сворачиванием национально-культурного строительства, научных исследований, производственных разработок.

Была прервана связь поколений, утрачены многие духовные ценности, подавлено национальное самосознание народа. Некому стало защищать национальные идеи, а тем более проводить их в жизнь. Понятно без лишних слов, что все это в огромной мере способствовало русификации белорусов.

В 1939–1941 годах четкое функционирование репрессивной системы обеспечивали карательные органы. Благодаря многочисленному аппарату НКВД машина террора работала безотказно.

Что превращало абсолютное большинство работников НКВД в садистов? Что заставляло их преступить через все законы и нормы человечности? Главная причина — страх оказаться в положении заключенного. Этот страх подавлял все иные чувства. Кроме того, в органы НКВД шел особый отбор. Более гуманных отсеивали, самых жестоких и нежесточенных оставляли.

Репрессии были источниками озлобления, ненависти к советской власти и коммунистической партии. Они не могли в годы Великой Отечественной войны не породить предателей, полицейских, карателей, которые пошли служить врагу. Они породили и такое явление, как коллаборационизм.

Массовые репрессии на территории Белоруссии в довоенный период носили явно выраженный плановый характер и осуществлялись карательными органами под непосредственным руководством ВКП(б) и КП (б) Б

в крайне жестокой и бесчеловечной форме в отношении ни в чем не повинных граждан. Они были противозаконными, противоречили основным гражданским и социально-экономическим правам человека и обернулись трагическими последствиями, как для жертв этих репрессий, так и для всего белорусского общества.

Что касается Л.Ф. Цанавы, то он был ревностным исполнителем, а временами и организатором политических репрессий в БССР.

- ¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146.
- ² Горелик Е. Кто суд вершил? Интервью с заместителем председателя правительственной комиссии, прокурором БССР Г.С.Тарнавским // Вечерний Минск. 1989. 2 нояб.
- ³ Вишневский А.Ф., Лукошко И.В. О некоторых проблемах исследования деятельности органов НКВД на территории Белоруссии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 119–120.
- ⁴ Протыко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002. С. 407.
- ⁵ Страницы минувшего. Минск. 1998. С. 185.
- ⁶ Платонов Р.П. «Вораги народа» — беларускія пісьменнікі / Памяць. у 4 кн. Кн. 3. Мінск, 2004. С. 288–290.
- ⁷ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ).Ф. 4. Оп. 21. Д. 1521. Л. 1.
- ⁸ Там же. Д. 1691. Л. 291–294.
- ⁹ Там же. Л. 337–338.
- ¹⁰ Там же. Д. 1689. Л. 147–150.
- ¹¹ Там же. Д. 1691. Л. 318–319.
- ¹² Там же. Д. 1689. Л. 233–234.
- ¹³ Платонаў Р. Лёсы. Мінск, 1998. С. 311.
- ¹⁴ Міцкевіч Д. Любіць і помніць. Успамінае сын Якуба Коласа. Мінск, 2000. С. 18.
- ¹⁵ Рублевская Л.И., Скалабан В.В. Время и бремя архивов и имен: очерки, эссе, пьеса. Минск, 2009. С. 19–21.
- ¹⁶ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1376. Л. 235.
- ¹⁷ Міцкевіч Д. Любіць і помніць. С. 43.
- ¹⁸ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1700. Л. 3.
- ¹⁹ Хацкевіч А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939–1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. № 1. 1994. С. 89.
- ²⁰ Сільвановіч С.А. Польскі рух супраціўлення ў Заходняй Беларусі (верасень 1939 – чэрвень 1941 г.) // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2000. С. 201.
- ²¹ Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 74–113.
- ²² Сільвановіч С.А. Польскі рух супраціўлення ў Заходняй Беларусі... С. 202–203.
- ²³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2078. Л. 137–152; Д. 2081. Л. 82–86.
- ²⁴ Ермаловіч В.І. Дзейнасць Саюза ўзброенай барацьбы на тэрыторыі Беларусі (1939–1941 гг.) // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2000. С. 197–198.
- ²⁵ Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939–1944 гг. Брест, 1997. С. 28.
- ²⁶ Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи... С. 29, 31.
- ²⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2206. Л. 157.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Д. 2184. Л. 330.
- ³⁰ Там же. Д. 2187. Л. 80–86.
- ³¹ Там же. Д. 1683. Л. 39–40.
- ³² Там же, Д. 2075. Л. 275.
- ³³ Толочко Д.М. Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939–июнь 1941 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Мінск, 2007. С. 43–44.
- ³⁴ НАРБ.Ф. 4. Оп. 21. Д. 2075. Л. 291–293.
- ³⁵ Там же. Л. 296.
- ³⁶ Толочко Д.М. Беженцы из Польши в БССР... С. 94.
- ³⁷ Хацкевіч А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939–1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. № 1. 1994. С. 74.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 132. Л. 54.
- ³⁹ Хацкевич А. Узлы развязывает время, формирование польской Армии Крайовой на территории западных областей Белоруссии (1943–1944) // Неман. № 1. 1994. С. 137.
- ⁴⁰ Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск, 2000. С. 211.
- ⁴¹ Ковалев А. Колокол мой — правда. Минск, 1989. С. 11, 28–31.
- ⁴² Там же. С. 63–64, 67–68, 72, 111.
- ⁴³ По материалам Центрального архива КГБ Республики Беларусь.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Кузнецов И. Куропаты: следствие закончено? // Народная воля. 2001. 18 крас. С. 4.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Абаринов В.К. Катинский лабиринт. М., 1991. С. 106–108.
- ⁴⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 48–490.
- ⁴⁹ Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М., 2005. С. 115–116.
- ⁵⁰ Лебедева Н.С. Катинь — преступление против человечества. М., 1994. С. 168–170.
- ⁵¹ Адамушка У. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 10.
- ⁵² Кузнецов И. Репрессии на Беларуси в 1920–1040-е гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ. Вып. 2. Минск, 2007. С. 29.